

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Введение: классический либерализм и робастная политическая экономия	11
Введение	11
Сравнительный институциональный анализ и робастная политическая экономия	13
Классический либерализм и робастная политическая экономия	15
Вызовы классическому либерализму и структура книги.	22
<i>Часть I. Вызовы, с которыми сталкивается классический либерализм</i>	22
<i>Часть II: Классический либерализм и будущее публичной политики</i>	26

Часть I

ВЫЗОВЫ КЛАССИЧЕСКОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ

Глава 2. Провалы рынка, «старые» и «новые»: вызов со стороны неоклассической экономической теории	31
Введение	31
Равновесие, эффективность и робастная политическая экономия	32
Классический либерализм против «старой» теории провалов рынка: наследие спора об экономическом расчете при социализме	36
<i>«Старая» теория провалов рынка и спор об экономическом расчете при социализме</i>	36
<i>«Проблема знания»: Хайек и доводы в пользу рынков, основанных на частной собственности</i>	38
<i>«Проблема стимулов»: теория общественного выбора и провалы государства</i>	44
«Новая теория провалов рынка: вызов экономической теории информации.	47
<i>Экономическая теория Стиглица и «новая» теория провалов рынка</i>	48
Классический либерализм против «новой» экономической теории провалов рынка	53

<i>Непонимание конкуренции</i>	54
<i>«Привязка», зависимость от прошлой траектории и макроэкономические провалы</i>	58
<i>Непонимание роли цен</i>	63
<i>Рынки, предпринимательское регулирование и асимметричная информация</i>	67
<i>Искаженное изложение Коуза и игнорирование теории общественного выбора</i>	69
Эволюция, сравнительный анализ институтов и экономические доводы в пользу классического либерализма	72
<i>Классический либерализм против ошибки Панглосса</i>	72
<i>Политический процесс и ошибка Панглосса</i>	78
Заключение	82
Глава 3. Уход, высказывание и коммуникативная рациональность: вызов коммунитаризма I	83
Введение	83
Коммунитаристская политическая теория и совещательная демократия	84
Классический либерализм, стихийный порядок и коммуникативная рациональность	92
<i>Индивидуализм: истинный и ложный</i>	93
Общность, сложность и стихийный порядок	95
<i>Эндогенные предпочтения и общественный выбор</i>	98
Уход и высказывание как альтернативы: проблема знания	100
<i>Совещательность и «синоптическая иллюзия»</i>	101
<i>Проблема неявного знания</i>	104
Уход и высказывание как альтернативы: информационная прозрачность и проблема стимулов	107
<i>Проблема рационального незнания</i>	107
<i>Проблема рациональной иррациональности</i>	110
Уход и высказывание как альтернативы: моральный аргумент	113
<i>Логистика и равное уважение</i>	113
<i>Представительство самого себя против представительства групп</i>	115
<i>Переговоры и коммуникация</i>	121
<i>Равенство, неравенство и коммуникация</i>	123
Заключение	127

Глава 4. Уход, высказывание и коммуникативная рациональность: вызов коммунитаризма II	129
Введение	129
Доверие, социальный капитал и коммунитаристская политика	130
<i>Исторический «миф» о «свободном рынке»</i>	131
<i>Доверие, социальный капитал и критика либеральных рынков</i>	133
<i>Доверие, социальный капитал и доводы в пользу расширения полномочий государства</i>	136
Классический либерализм и социальный капитал	138
<i>Стихийное происхождение рынков</i>	138
<i>Классический либерализм и важность связывающего социального капитала</i>	141
<i>Классический либерализм и стихийное порождение связывающего социального капитала</i>	146
Классический либерализм и соотношение между «обязывающим» и «связывающим» социальным капиталом	151
<i>Семьи, добровольные объединения и соотношение между обязывающим и связывающим социальным капиталом</i>	151
<i>Фирмы и соотношение между обязывающим и связывающим социальным капиталом</i>	155
<i>Культура, этничность и соотношение между обязывающим и связывающим социальным капиталом</i>	157
Робастная политическая экономия и эволюция социального капитала	159
<i>Провалы государства и социальный капитал: проблема знания</i>	160
<i>Провалы государства и социальный капитал: проблема стимулов</i>	165
Заключение	172
Глава 5. Равенство и социальная справедливость: вызов эгалитаризма	175
Введение	175
Эгалитаристская политическая теория, социальная справедливость и равное уважение	176
<i>Ролз о социальной справедливости</i>	176
<i>Дворкин о социальной справедливости</i>	181
<i>Янг о социальной справедливости</i>	183

Проблема знания и социальная справедливость I: эгалитаризм как конструктивистский рационализм	188
<i>Ролз как рационалист-конструктивист</i>	188
<i>Дворкин как рационалист-конструктивист</i>	193
<i>Янг как рационалист-конструктивист</i>	196
<i>Справедливость, беспристрастность и проблема знания</i>	198
Проблема знания и социальная справедливость II: компромиссы между ценностями и мираж социальной справедливости	204
<i>Неопределенность эгалитаристской справедливости</i>	204
<i>Справедливость, ответственность и стихийный порядок</i>	209
<i>Угнетение и эгалитаристская справедливость</i>	214
Проблема стимулов и социальная справедливость	216
<i>Стимулы и обособленность личностей</i>	216
<i>Стимулы и собственность</i>	221
Заключение	228

Часть II КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И БУДУЩЕЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 6. Помощь бедным и публичные услуги: социальное государство или минимальное государство?	233
Введение	233
Помощь бедным и публичные услуги: классическая либеральная точка зрения	234
<i>Классический либерализм и помощь бедным</i>	234
<i>Фактические данные о помощи бедным</i>	238
<i>Классический либерализм об образовании и здравоохранении</i>	241
<i>Фактические данные об образовании и здравоохранении</i>	244
Возражения, основанные на идее «провалов рынка»	249
<i>Является ли помощь бедным коллективным благом?</i>	252
<i>Публичные услуги и положительные внешние эффекты</i>	256
<i>Информационная асимметрия и социальное государство</i>	260
<i>Когнитивные искажения и социальное государство</i>	265
Коммунитаристские возражения	268

<i>Классический либерализм</i>	
и «этнос общественного служения»	270
<i>Классический либерализм и реципрокность</i>	272
<i>Общины, компромиссы между ценностями</i>	
и социальное государство	275
Эгалитаристские возражения	277
<i>Равенство, компромиссы между ценностями</i>	
и социальное государство	281
<i>Конкуренция, стихийный порядок</i>	
и эгалитарная справедливость	284
<i>Угнетение и социальное государство</i>	289
Заключение	293

Глава 7. **Институты и международное развитие: глобальное управление**

или минимальное государство?	295
Введение	295
Робастная политическая экономия, институты	
и развитие: классический либеральный подход	296
<i>Почему институты имеют значение</i>	296
<i>Институты и предпринимательство</i>	297
<i>Институты и неопределенность</i>	299
<i>Конкуренция: внутренняя и международная</i>	301
<i>Фактические данные об институтах и развитии</i>	302
<i>Экономическое развитие</i>	
и путь к классическому либерализму	306
Возражения против классического либерализма	
на международном уровне, основанные	
на идее «провалов рынка»	309
<i>Эффект «привязки» и развитие</i>	313
<i>Может ли опыт структурных преобразований</i>	
служить опровержением классического либерализма?	317
<i>Противоречит ли восточноазиатская модель</i>	
классическому либерализму?	322
Коммунитаристские возражения	
против классического либерализма	
на международном уровне	327
<i>Ведет ли классический либерализм</i>	
к культурной однородности?	329
<i>Торговля, коммуникативная рациональность</i>	
и социальный капитал	331
<i>Против глобальной советательности</i>	333
Эгалитаристские возражения против классического	
либерализма на международном уровне	335

<i>Существует ли глобальная система распределения?</i>	338
<i>Против глобализации социальной справедливости</i>	345
Заключение	346
Глава 8. Защита окружающей среды: зеленый левиафан или минимальное государство?	347
Введение	347
Классический либерализм, права собственности и защита окружающей среды	348
<i>Аргументация, основанная на «провалах рынка»</i>	348
<i>Провалы рынка или провалы государства?</i>	351
<i>Доводы в пользу частной собственности</i>	354
<i>Подход к решению более трудных проблем: права собственности и институциональное предпринимательство</i>	356
Возражения против классического либерального энвайронментализма, основанные на идее «провалов рынка»	363
<i>Требуется ли государство для существования прав собственности на окружающую среду?</i>	365
<i>Ведет ли сотрудничество в защите окружающей среды к появлению монопольной власти?</i>	370
<i>Дилемма климатических изменений</i>	371
Коммунитаристские возражения против классического либерального энвайронментализма	375
<i>Права собственности, экологические рынки и общее благо</i>	378
<i>Права собственности и эволюция экологических предпочтений</i>	381
<i>Права собственности и экологическая этика</i>	385
Эгалитаристские возражения против классического либерального энвайронментализма	387
<i>Взаимосвязь между бедностью, неравенством и защитой окружающей среды</i>	391
<i>Мираж экологической справедливости</i>	394
<i>Права собственности, власть и мираж климатической справедливости</i>	399
Заключение	403
Глава 9. Заключение	405
Выражение признательности	411
Библиография	412
Указатель	434

ГЛАВА 1

ВВЕДЕНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И РОБАСТНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Введение

Современные споры в сфере политической экономии были сформированы реакцией на «неолиберализм». Начиная с реформы социального государства и заканчивая дискуссиями о международной торговле и окружающей среде, многочисленные комментаторы обсуждают явно растущее влияние веры в «свободные рынки» и минимальное государство. Такого рода комментарии создают впечатление, что после краха социалистического проекта в Восточной Европе и в других местах существовавшее в политическом ландшафте противодействие неолиберализму, или классическому либерализму, как его в действительности следовало бы называть, было маргинализировано.

Однако беглый взгляд на траекторию публичной политики обнаруживает совсем другую картину. В то время как наблюдаемое в последние годы движение «приватизации», возможно, замедлило наступление послевоенной социал-демократии, многие сферы политики продемонстрировали заметное сопротивление либерализации или стали свидетелями дальнейшего расширения роли государства. Например, финансирование и предоставление услуг здравоохранения и образования в большинстве либеральных демократий остаются заповедником, в котором преобладает государство, причем даже незначительные попытки допуска в эти сферы рыночных сил приводят лишь к небольшому продвижению вперед. В сфере международной торговли давно существующая приверженность к сельскохозяйственному протекционизму и широко распространенная поддержка международной финансовой помощи в качестве ключа к обеспечению процветания развивающихся экономик подтверждает неизменную привязанность к интервенционистским принципам. Политика в области экологии и окружающей среды с ее массивным наращиванием регуляторных инициатив продемонстрировала еще большее сопротивление классическим либеральным идеям. И, как будто всего этого было недостаточно, беспрецедентные масштабы

правительственной активности, которая последовала за «финансовым кризисом» 2008 г., вряд ли говорят о том, что хватка «рыночного фундаментализма» была особенно крепкой и надежной.

Быстрота, с которой правительства в ответ на недавний финансовый кризис поспешили расширить свои властные полномочия, отражает долговременную тенденцию в сфере идей и мнений, результаты которой вовсе не укрепляли классические либеральные идеи, но, наоборот, активно стремились их подорвать. Например, доминирующая в экономической теории неоклассическая традиция выдвигает все более и более изощренные обоснования для широкого государственного вмешательства, от регулирования производства товаров до экологических налогов. Тем временем политические теоретики подвергают сомнению философские и моральные предпосылки классического либерализма, утверждая, что многие из них базируются на грубой форме индивидуализма, которая подрывает нормы солидарности и дистрибутивной (распределительной) справедливости. Таким образом, если в современных общественных науках и есть некая доминирующая позиция, то она характеризуется явной или скрытой враждебностью к классическому либерализму и поддержкой «социальной демократии» в национальном и международном масштабе.

Ввиду такого развития событий эта книга стремится опровергнуть многие из аргументов, выдвигаемых в современной политической экономии против классического либерализма, и вновь заявить о приверженности к продвижению «в направлении минимального государства». Цель книги состоит не в том, чтобы внести «новый» вклад в политическую экономию *per se*, а в том, чтобы синтезировать существующие аргументы в рамках особой аналитической концепции — «робастной* политической экономии», — которая демонстрирует неизменную релевант-

* «Робастность» (от *англ.* *robust* — здоровый, крепкий, сильный) — термин, заимствованный из математической статистики и теории управления. В статистике робастными оценками называют оценки, нечувствительные или малочувствительные к неоднородностям в наблюдениях, вызываемых различными, зачастую неизвестными причинами (такими как ошибки измерительных приборов, ошибки при передаче информации об измерениях, попытки «подгонки» данных, статистические выбросы и др.). В теории управления под робастностью (или «грубостью») системы управления подразумевается ее малая чувствительность к изменению параметров. И в том и в другом случае робастность представляет собой определенную разновидность концепции устойчивости системы или метода. — *Прим. ред.*

ность классических либеральных принципов и их применимость к ряду самых насущных и неотложных проблем сегодняшнего дня. Для решения этой задачи данная книга привлекает обширную литературу по экономической и политической теории, фокусируясь в первую очередь на рассуждениях в рамках «сравнительного анализа институтов». Эта вводная глава начинается с изложения принципов институциональной «робастности», на которых базируется компаративный институциональный анализ. Затем в ней представлены аргументы в пользу классического либерализма как учения, удовлетворяющего требованиям «робастной политической экономии». В заключительном разделе дается эскизный набросок тех основных вызовов, стоящих перед робастностью классического либерализма, которые подробно рассматриваются в последующих главах.

Сравнительный институциональный анализ и робастная политическая экономия

Политическая экономия занимается в первую очередь сравнением результатов функционирования социальных и экономических институтов. Человеческая деятельность всегда происходит в конкретной институциональной обстановке, и условия, с которыми люди сталкиваются в рамках тех или иных институтов, воздействуют на характер их поведения и на получающиеся социальные результаты. В этом контексте «робастная» совокупность институтов может быть определена как такая, которая порождает благотворные результаты даже при наименее благоприятных условиях (Leeson и Subrick, 2006). Такие условия могут возникнуть как следствие человеческого несовершенства. Если люди «совершенны» или, по меньшей мере, «совершенствуемы», то вопросы сравнительного институционального анализа могут и не возникнуть — мы могли бы ожидать благотворного результата независимо от институциональных рамок. Но если люди в тех или иных аспектах «несовершенны», то вопросы институциональной робастности становятся центральными. Определенные институты могут быть лучше, чем другие, приспособлены к тому, чтобы противостоять нагрузкам и напряжениям, порождаемым соответствующими человеческими слабостями.

В контексте институционального анализа существует два вида человеческих несовершенств, которые следует принимать во внимание, рассматривая робастность альтернативных

режимов. Первый из них — это «проблема знания». Человеческие особи ограничены в своих когнитивных возможностях, и, как следствие, даже наиболее умные и дальновидные люди характеризуются относительной неосведомленностью по поводу того общества, в котором они пребывают (Науек, 1948а; Simon, 1957). Учитывая несовершенство человеческого знания, последствия всякого конкретного действия либо для связанных с ним действующих лиц (акторов), либо для более широкого общества будут в любой данный момент времени оставаться неопределенными. Следовательно, робастные институты должны позволять людям адаптироваться к обстоятельствам и условиям, о которых они непосредственно не осведомлены, и давать им возможность в условиях «ограниченной рациональности» с течением времени учиться на ошибках и улучшать качество своих решений.

Второй вид человеческого несовершенства, который необходимо принимать в расчет, — это возможность того, что люди могут действовать, будучи мотивированы личным интересом (Ostrom, 2006). Актеры могут действовать, преследуя свои собственные, вполне конкретные цели — материальные или нематериальные, — а вовсе не на основе каких-то представлений об «общем благе» или «публичных интересах». Люди могут не испытывать желания вносить вклад в обеспечение интересов их братьев, если они не в состоянии извлечь некоторую личную выгоду от подобных действий. Стимулы могут иметь значение и, как следствие, институты надлежит оценивать по их способности канализировать потенциально эгоистические побуждения таким способом и в таком направлении, чтобы это порождало благотворные результаты на уровне общества. Действия в рамках эгоистического поведения и личной заинтересованности могут при определенных институциональных условиях привести к полному социальному и экономическому распаду, но если институты структурированы надлежащим образом, то даже те, кто руководствуется самыми своекорыстными и узкоэгоистическими мотивами, могут действовать способами, приносящими пользу тому обществу, частью которого они являются.

Имея в виду отмеченные выше человеческие несовершенства, робастная политическая экономия институтов и решений ищет ответы на следующие три вопроса:

- Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди не являются всеведущими?

- Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди мотивированы собственными эгоистическими интересами?
- Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди располагают ограниченными знаниями *и одновременно* склонны к своекорыстному, эгоистичному поведению?

Классический либерализм и робастная политическая экономия

Ответ классического либерализма на поставленные выше вопросы состоит в том, что институты частной или совместной (групповой) собственности, рыночная экономика и ограниченное государство, роль которого сводится к разрешению споров между частными сторонами, лучше всего способны удовлетворить требованиям робастного режима.

Истоки классического либерализма, как он понимается в этой книге, лежат в шотландском Просвещении, представленном Адамом Смитом и Давидом Юмом, а в более поздние времена нашедшем отражение в трудах Фридриха Хайека (Friedrich Hayek), Майкла Оукшотта (Michael Oakeshott) и Джеймса Бьюкенена (James Buchanan). Фундаментальный организационный принцип классического либерализма — свобода объединения и отделения, свобода создавать объединения и распускать их [freedom of association and dissociation]. Люди, согласно этой точке зрения, должны располагать свободой входить в самые разнообразные человеческие системы отношений и выходить из них. Нет необходимости исключать из числа этих объединений авторитарные или коммунитарные организации, которые внутри себя придерживаются «либеральных» норм, но социальные акторы должны иметь возможность покинуть любую группу, к которой они присоединились добровольно или в которую были «включены от рождения» на недобровольной основе. Следовательно, классическое либеральное общество — это такое общество, где есть разнообразные юрисдикции и властные институты, ни один из которых не обладает тотальной, иерархической формой власти над другими (Kukathas, 2003; Кукатас, 2011). Важное предварительное условие такого порядка состоит в том, что владение собственностью широко, хотя и не обязательно равномерно, рассредоточено внутри совокупности индивидов и добровольных ассоциаций.

Частное или групповое владение собственностью признается сторонниками классического либерализма в качестве *modus vivendi**, необходимого для того, чтобы справиться с реальностью разнообразия человеческих ценностей. В условиях ограниченной рациональности способность вступать в различные системы человеческих взаимоотношений и покидать их облегчает обучение методом проб и ошибок, поскольку люди могут наблюдать результаты, которые проистекают из разных способов организации жизни. Кроме того, пространство, которое частная собственность предоставляет людям для экспериментирования с их собственными предпочитаемыми целями и намерениями, минимизирует конфликты в тех условиях, где люди демонстрируют различные представления о хорошей жизни. Когда владение собственностью рассредоточено, то существует больший диапазон возможностей для того, чтобы вступать в добровольные соглашения и контракты ради достижения собственных целей, не мешая другим акторам искать себе других партнеров для достижения своих целей. Напротив, когда владение собственностью сконцентрировано в единственном центре, те, кто контролирует соответствующее учреждение, обладают способностью навязывать свои частные цели другим лицам. Учитывая ограниченную природу человеческой рациональности и возможности эгоистического поведения, преследующего собственные интересы, такие системы с классической либеральной точки зрения скорее всего будут способствовать конфликтам, поскольку отдельные индивиды и группы могут стремиться к получению контроля над аппаратом управления, чтобы реализовать свои собственные конкретные замыслы.

Классический либерализм делает акцент на свободе объединения и соблюдении прав частной или групповой собственности еще и потому, что последние позволяют формироваться тому, что Хайек именует «стихийными порядками» (Hayek, 1982, часть 1). «Порядки» такого рода демонстрируют паттерны координации, но регулярности, о которых идет речь, не являются продуктом сознательного замысла неких агентов, преследующих единую цель. Наоборот, они представляют собой «эмержентные» феномены, которые возникают в результате действий целой совокупности разнообразных рассредоточенных агентов,

* Временное соглашение между конфликтующими сторонами (*лат.*). — Прим. ред.

каждый из которых преследует свои собственные, обособленные цели. Для классического либерализма такие порядки обладают тройным преимуществом и воплощаются в рыночной экономике, основанной на рассредоточенном, хотя и неравном владении собственностью.

Во-первых, стихийные порядки лучше подходят для того, чтобы справиться с условиями несовершенного знания и ограниченной рациональности, поскольку они опираются на знание, находящееся в составляющих эти порядки разнородных узлах, и адаптируются к этому знанию. Например, на рынках рассредоточенные индивиды и организации делают свои ценовые предложения в отношении тех или иных прав собственности и тем самым вносят частичный вклад в формирование цен, которые транслируют их частную «порцию» информации тем владельцам ресурса, с которыми они торгуют. Последние могут затем адаптировать свое поведение в свете своих собственных предпочтений и знания, и эта адаптация может влиять на последующие транзакции с какими-то другими агентами в рамках все более сложной сети. Ценовые сигналы, которые появляются в результате такого процесса, подталкивают к «экономному (экономизирующему) поведению» [*«economising behaviour»*] и позволяют добиться такой степени координации, которая может оказаться недостижимой для центрального координирующего органа. В условиях ограниченной рациональности и ограниченного знания такой орган не мог бы осознавать всех релевантных возможностей для пошагового улучшения, рассеянных среди разнородной совокупности социальных акторов (Hayek, 1948a, 1982; Хайек, 2011, 2006).

Второе преимущество стихийных порядков состоит в том, что они допускают эволюцию путем экспериментирования. Например, децентрализованный обмен правами собственности на рынке позволяет одновременно тестировать конкурирующие идеи в области производства и потребления. Если бы существовал только один орган принятия решений или «планирования», то любые ошибки с большей вероятностью становились бы системными. Кроме того, в стихийном порядке адаптация происходит быстрее, чем в его централизованном или «плановом» аналоге, — акторы могут учиться на самых прибыльных моделях и имитировать их без одобрения со стороны вышестоящих органов власти или большинства. Для того чтобы участники рынка могли достигать системных усовершенствований, им нет необходимости осознавать, как и почему их действия приносят пользу им

самим или их собратьям. Предпринимательские открытия могут быть результатом чистой случайности, а вовсе не сознательного обдумывания. Важно лишь то, что производственные модели, которые удовлетворяют потребительским запросам, приносят прибыль, которая сигнализирует о необходимости имитировать их, в то время как убыточные модели отвлекают внимание людей от менее перспективных методов производства (Alchian, 1959; Алчиан, 2007). В то же время потребителям нет нужды знать, почему они находят некоторые продукты более удовлетворительными, чем другие. Всё, что они должны сделать, — это «уйти» от поставщиков, которых они сочли наименее удовлетворительными, к тем, кого они находят более приемлемыми. Следовательно, чтобы функционировать эффективно, рыночная «система» требует от любого из ее участников лишь небольших когнитивных способностей (Friedman, 2005).

Приведенные соображения относятся к робастности стихийных порядков применительно к преодолению «проблемы знания» и не делают никаких предположений о человеческих побуждениях и мотивации — они, например, не исходят из посылки, что акторы являются или же должны быть эгоистичными. Однако третье преимущество таких порядков состоит в том, что они предоставляют механизмы защиты от злоупотребления властью там, где люди на самом деле действуют из соображений личного интереса. Как доказывали Давид Юм и, сравнительно недавно, Джеймс Бьюкенен, людей следует моделировать таким образом, «словно они мошенники», причем не потому, что большинство эгоистично, а по той причине, что необходимы институциональные гарантии для ограничения своекорыстного меньшинства (Buchanan, 1986). В конкретном случае рынков возможность «ухода» дает возможность людям избегать акторов, которые предлагают худшие условия сотрудничества. Хотя распределение богатства в рыночной экономике неравномерно, это неравенство носит динамический характер, поскольку ресурсы постоянно перемещаются, уходя от тех, кто не в состоянии использовать свою собственность способом, имеющим наибольшую ценность. Система прав частной собственности обеспечивает стимулы, которые могут побудить даже наименее склонных к сотрудничеству или эгоцентричных агентов действовать приемлемым для общества образом. Там, где права собственности хорошо определены, издержки, порождаемые тем или иным решением, эффективно интернализируются — акторы получают прибыль от решений,

которые выгодны их собратьям, но вынуждены нести издержки, вызванные теми решениями, которые тем невыгодны (Alchian and Demsetz, 1973; Алчиан, Демсец, 2009).

Эти принципы институциональной робастности применимы не только в контексте принятия «экономических» решений, но также и применительно к вопросам распределительной справедливости. С классической либеральной точки зрения те институты, которые дают акторам возможность навязать обществу единую концепцию распределения, несовместимы с процессом эволюционного обучения и с принципом свободы объединения. В условиях ограниченной рациональности могут иметь место существенные разногласия по поводу того, что собой представляет «честное» распределение дохода и богатства. Результаты классического либерального порядка не могут рассматриваться как «справедливые» или «несправедливые», так как они не базируются на подчинении единой системе распоряжений, а следуют из действий людей, объединившихся на основе множества различных дистрибутивных норм (Науек, 1982; Хайек, 2006). Поэтому определяющей характеристикой «либеральной» системы справедливости должна быть «независимость от целей» — система не должна пытаться определить справедливость результатов, которые получились вследствие свободы объединения, но должна стремиться к разрешению споров, когда нет ясности в том, кому именно принадлежат права собственности, а также в том, были ли они нарушены или нет. С этой точки зрения все акторы — даже если между ними нет согласия по поводу распределительной справедливости — заинтересованы в сохранении тех рамок, которые гарантирует стабильность прав владения, потому что именно эта стабильность позволяет людям жить своей жизнью, не вступая в постоянный конфликт со своими собратьями (Otteson, 2006). С классической либеральной точки зрения никакая центральная власть не может получить доступ к знанию, необходимому для оценки всех факторов, которые вносят свой вклад в конкретное распределение, и с учетом возможности эгоистического поведения в собственных интересах никакой такой власти нельзя доверять определение «справедливости по заслугам» для других.

Если робастные институты — это такие институты, которые лучше всего справляются с человеческими несовершенствами, то таким же должен быть и процесс институционального конструирования. В мире несовершенных знаний и ограниченной доброжелательности люди, изобретая институциональные структуры,

могут совершать ошибки. Поэтому робастная политическая экономика должна допускать эволюционное обучение и обеспечивать сдержки и противовесы на метаинституциональном уровне. Таким образом, в то время как классический либерализм — это теория, претендующая на универсальную применимость при объяснении институциональных типов, наиболее пригодных для облегчения социальной координации, он не предлагает проекта достижения какой-либо конкретной институциональной формы. Процессы эволюционного обучения, которые имеют место внутри рынков, должны действовать на многих уровнях таким образом, чтобы люди могли покидать конкурирующие и зачастую взаимно пересекающиеся институциональные проекты или присоединяться к ним (Buchanan and Vanberg, 2002). Следовательно, хотя государство представляет собой особенно мощную организацию, оно должно быть лишь одной из многих других подобных организаций, сила которых ограничена самим существованием конкурентов.

Важно установить в этом контексте, что на самом деле вытекает из приверженности к «минимальному государству». Самый существенный момент, который нужно подчеркнуть, состоит в следующем: классический либерализм признаёт, что государства могут играть важную роль внутри либерального общества. И подобно тому, как на рынках иерархические организации вроде фирм могут обладать преимуществами в эффективности перед менее крупными и более индивидуализированными единицами производства и потребления, точно так же государства или «государствоподобные» институты могут располагать сравнительными преимуществами, когда дело доходит до обеспечения действенности правил, необходимых для поддержания либерального порядка, например, таких, как защита личности и собственности. Однако границы между теми случаями, где требуется действие со стороны государствоподобных образований, не должны устанавливаться незыблемыми как камень, но, как и в случае границ фирм, должны иметь возможность сдвигаться в ответ на такие технологические и институциональные новшества, которые увеличивают относительную эффективность альтернативных подходов. Поэтому идеал минимального государства в определенной мере текуч и не представляет собой некоей точки равновесия, к которой должны быть устремлены все усилия по реформированию институтов.

Для классических либералов сомнению должно быть подвергнуто вовсе не существование государствоподобных образований, а те процессы, посредством которых возможно возникновение

таких институтов. Правила, которые управляют функционированием рынков, сами могут появляться с помощью «восходящего», идущего «снизу вверх» процесса в рамках стихийного порядка. Например, в состязательных видах спорта участвующие в них команды добровольно подчиняются правилам и регламентам тех или иных конкретных «лиг». Хотя команды конкурируют за зрителей и за признание в рамках таких лиг, они вместе с тем сотрудничают в таких направлениях, которые увеличивают привлекательность их конкретной лиги по отношению к соперникам внутри того же самого вида спорта и вдобавок по сравнению с конкурирующими видами спорта. Конкуренция функционирует в рамках «вложенной» структуры — индивиды и организации соперничают друг с другом, но на более высоком институциональном уровне точно так же соперничают стандарты и правила, которых решают придерживаться различные группы акторов. Аналогично индивиды и организации могут придерживаться институциональных правил, устанавливаемых государствами или государствовидными образованиями, чтобы поддерживать и защищать разнообразные преимущества вроде большей защищенности собственности, которые в противном случае могли бы оказаться менее доступными. В то же время сами государства могут придерживаться общих норм и стандартов, обеспечение исполнения которых может осуществляться наднациональными образованиями. Учитывая пределы человеческой рациональности и возможность эгоистических действий в собственных интересах, имеет значение то, возникли ли институты, о которых идет речь, через процесс выработки согласия, а не посредством навязанной координации, а также то, существует ли на некотором уровне возможность «ухода» для инакомыслящих, желающих придерживаться альтернативных практик.

С учетом «проблемы знания» и признания того, что «стимулы имеют значение», требования робастной политической экономики задают регулятивный стандарт, в сопоставлении с которым следует оценивать существующие на практике институциональные методы и предложения по поводу реформ. Основные тесты, применяемые к предложениям по поводу институциональных реформ, должны выяснять, расширяют ли они возможности для открытий посредством процесса эволюции, и устанавливать, в какой степени они предлагают стимулы, которые ограничивают потенциально деспотические полномочия власти, осуществляющей принуждение. Многие из исторически сложившихся

институтов, включая государства и наднациональные организации, стали результатом скорее монополистического навязывания, чем консенсусной эволюции, и поэтому могут быть предметом тщательного критического рассмотрения.

Вызовы классическому либерализму и структура книги

Намеченные выше принципы имеют своей целью соответствие институтов и решений критериям робастной политической экономики. Однако выдвинутые заявления о робастности классического либерализма как политического проекта не могут не столкнуться с существенными возражениями, и цель этой книги — дать ответ на некоторые из наиболее важных возражений по этому поводу. Книга состоит из двух частей. В части I проверяется обоснованность возникших в последнее время теоретических вызовов концепции минимального государства, пришедших из области экономической и политической теории. Затем в части II эти вопросы рассматриваются применительно к трем сферам государственной политики, которые оказались в наименьшей степени поддающимися либерализации.

Часть I. Вызовы, с которыми сталкивается классический либерализм

Ядром аргументации в пользу системы открытых рынков и минимального государства является эффективность рынков в передаче информации и создании стимулов к производительности. Однако робастность этой аргументации оспаривается «новой концепцией провалов рынка» [*«new market failure» perspective*] Джозефа Стиглица и его последователей (Stiglitz, 1994). Хотя, согласно Стиглицу, рынки являются необходимой составной частью отлаженной экономики, сравнительный институциональный анализ приводит его к выводам в поддержку не классического либерализма, а модели «смешанной экономики». С точки зрения «новой концепции провалов рынка» рынки насквозь пронизаны проблемами, связанными с коллективными благами и асимметрией информации, подавляющими процесс открытия и передачи информации, препятствующими достижению эффективного равновесия. Следовательно, для того чтобы улучшить размещение ресурсов, представляется необходимым широкое вмешательст-

во государства посредством «оптимизирующих налогов» [optimality taxes] и регулирования производства отдельных видов продукции [product regulation]. В последнее время этот анализ был подкреплен подходом, основанным на зависимости от прошлой траектории [path-dependency] или сетевых экстерналиях и разработанным Полом Дэвидом, который доказывает необходимость дальнейшего вмешательства для корректировки «провалов рынка» в большом числе сфер, для которых характерны «технологические монополии».

В главе 2 разрабатываются центральные темы экономической теории Хайека и вирджинской школы общественного выбора, которые применяются для доказательства того, что новая теория провалов рынка не удовлетворяет требованиям робастной политической экономии. С одной стороны, данный подход сводит сравнительный институциональный анализ к вопросам стимулов. Модели, сосредоточенные на стимулах к поиску информации, про которую известно, что она в принципе доступна, игнорируют «проблему знания», сформулированную Хайеком. С точки зрения теории Хайека функция рынка состоит в том, чтобы привлекать внимание людей к непредвиденным обстоятельствам и возможностям — функция, которая не может анализироваться в терминах моделей равновесия, играющих центральную роль в неоклассической экономической теории. Кроме того, в то время как сторонники теории провалов рынка правы в своей сосредоточенности на «совместимости стимулов», они оказываются не в состоянии применить этот анализ к их излюбленным институциональным альтернативам. Последовательный анализ проблем асимметрии информации показывает, что эти проблемы зачастую оказываются еще более ярко выраженными в условиях государственного сектора, нежели в режиме «несовершенных рынков».

Глава 3 обращается к критике классического либерализма вне экономической теории. С точки зрения политических теоретиков коммунитаризма, таких как Чарльз Тейлор, и последователей Юргена Хабермаса, доводы в пользу рыночной экономики базируются на послышке об эгоистических интересах индивидов и на представлении, что «стимулы имеют значение» (например, Taylor, 1985; Habermas, 1992). Эти авторы утверждают, что классический либерализм игнорирует социальный и моральный контекст, в котором формируются индивидуальные предпочтения, и озабочен в первую очередь поиском эффективных «средств», а не открытием новых и более возвышенных «целей». Близкий к этому

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru